

И.Ю. КОБЗЕВ

**ОДИССЕЯ ГОМЕРА
(Сцены из древности)**

*«О Гомере мы знаем лишь одно: ничего»
(Рауль Шротт)*

Сцена I

(Внутренность дома Одиссея на Итаке. Обстановка скромная как в хижине простого рыбака или пастуха. На стене висят доспехи Одиссея –единственный признак царского жилища. В комнате Телемах и его жена Навсикая. Им примерно по сорок - сорок пять лет. Телемах собирает вещи в дорожный мешок и свитки папируса в корзину. Входит Навсикая)

(Навсикая) – Телемах! Ты куда собираешься? Ты что, снова хочешь оставить меня одну?

(Телемах) – Почему одну, Навсикая? Ты будешь с детьми. А мне необходимо съездить к царю Эфеса Гераклиту, мы с ним договаривались встретиться еще в прошлом году на олимпиаде. А сейчас как раз предоставился такой случай – на Итаку зашел корабль, следующий в Эфес,

(Навсикая) – Что за необходимость такая?

(Телемах) – Мне нужно обсудить с ним важный вопрос, касающийся будущего всей Эллады,

(Навсикая) – Ну, конечно! Всей Эллады! Видимо все проблемы своей Итаки ты уже решил? Хозяйство наладил, детей уму –разуму научил? Ты посмотри на свой дом – это же хижина рыбака. Здесь от царского отличия только доспехи твоего беспутного папаши на стене,

(Телемах) – Навсикая! Ты опять начинаешь?

(Навсикая) – А почему ты не пригласил Гераклита к себе в гости? Молчишь? А я знаю почему – потому что тебе стыдно показать царю Эфеса свое убогое жилище. Гераклит этот небось не шляется по миру, а хозяйством занимается в своем царстве. Это только ты, весь в своего папашу, то где-то годами пропадает, а приедет, так сидит и пишет чего-то. Ты царь или писатель? Может ты думаешь, что ты Гесиод? Ты не Гесиод, Телемах...

(Телемах) – Навсикая!

(Навсикая) – Ты не Гесио-од!

(Телемах) - Ты, неотступная! (замахивается на нее)

(Навсикая) – Бить жену – это ты герой! А тянуть на себе твое царство – это дело жены? Я тут у тебя и царица и царь и служанка последняя. Ты когда с сыном последний раз разговаривал? Он совсем от рук отбился, его женить пора – он скоро всех девок на Итаке перепортит,

(Телемах) – Навсикая, мне соейчас некогда, вот вернусь и поговорю с ним,

(Навсикая) – Пока ты вернешься, ты уже дедом станешь, причем неоднократно. А я... я совсем состарюсь, Телемах. И тогда ты бросишь свою верную жену и возьмешь себе молодую,

(Телемах) – Ну что ты говоришь, Навсикая?

(Навсикая) – Правду, вот что! Знаю я какая у вас там встреча будет с этим Гераклитом – вино пить на симпозионах да на голых девок пялиться – вот все ваши дела государственные,

(Телемах) – Ты неправа, Навсикая. Гераклит великий философ...

(Навсикая) – ...Вот, вот. Философы и есть самые большие бабники, уж я то знаю,

(Телемах) – Ну, откуда тебе это знать?

(Навсикая) – Мне женская интуиция подсказывает,

(Телемах) - Ты, непонятная! Боги, владыки Олимпа, одарили тебя не женским нежноуступчивым сердцем, но жестким,

(Навсикая) - Боги, владыки Олимпа, мою красоту погубили, когда я горько плакала, безутешная, долгие годы и в непрерывной тоске свою жизнь сокрушала. И ныне опять предстоит мне вянуть в печали. Что за судьба?

(Телемах) – Не ропщи на судьбу, Навсикая. Даже боги бессильны пред нею. Много еще впереди предлежит мне трудов несказанных, но я скоро вернусь к тебе и уже никогда больше не покину тебя. Я обещаю тебе, Навсикая,

(Навсикая) - Не сердись на меня, Телемах, и не делай упреков. Я буду ждать тебя... как всегда.

Сцена II

(Внутренность храма Аполлона в Дельфах. Пифия сидит на высоком треножнике в тумане испарений с блуждающим взором. Рядом с ней стоит жрец с табличкой для записей. Телемах благоговейно подходит к треножнику)

(Жрец) - Спрашивай, чужеземец. Но постарайся изложить твою просьбу покороче,

(Телемах) – Я обращаюсь к тебе, лучезарный Аполлон, с вопросом: скажи, что нужно сделать, чтобы Эллада перестала быть окраиной Азии, а эллины стали единым народом подобно тому, как они становятся единым народом во время Олимпийских игр?

(Жрец) – Поистине царский вопрос, чужеземец!

(Пифия начинает раскачиваться на треножнике, что-то бормочет и вдруг ясно произносит) - «Эллада перестанет быть окраиной Азии, когда ты станешь отцом своего отца»,

(Телемах) - Я не понимаю, как это?

(Пифия) - Перестань удаляться от борьбы и стань слепым (потом снова ее бормотания становятся неразборчивыми)

(Телемах) – Как это слепым? Что это значит, жрец?

(Жрец) – Ну... Это не сразу поймешь. Тут подумать надо. Ты вот что, чужеземец, приходи- ка ты сюда завтра в это же время – может быть Морфей мне что-нибудь подскажет этой ночью, а может быть и тебе. Прощай, до завтра, - Следующий!

(Телемах в задумчивости спускается по дорожке из храма. Возле дорожки сидит бомжеватого вида оборванец сократовского облика)

(Оборванец) – Что, задала тебе загадку Пифия? Она это мо-ожет. А жрец, видимо, ничего не смог объяснить?

(Телемах) – Откуда ты знаешь?

(Оборванец) – Сижу тут давно, всего повидал,

(Телемах) – Ты кто?

(Оборванец) – Я Аполлодор, самый лучший толкователь пророчеств. Опыт у меня большой, да и толкую я не по должности, как местные жрецы, а по вдохновению. Так что, можешь считать, что моими устами сам Аполлон говорит,
(Телемах) – Я Телемах, царь Итаки. Скажи мне толкователь, что значит «Перестань удаляться от борьбы и стань слепым», жрец не смог мне этого объяснить,
(Оборванец) – Тоже мне теорема Пифагора! Это же так просто: что означает твое имя, Телемах?
(Телемах) – Далекий от борьбы,
(Оборванец) – Ну?
(Телемах) – Что «Ну». Ты имеешь в виду, что я должен отказаться от своего имени?
(Оборванец) – Ну конечно! И должен взять имя Гомер – слепой,
(Телемах) – Постой, постой. Я кажется начинаю понимать, что означает и первая часть пророчества. Благодарю тебя, ты настоящий мудрец,
(Оборванец) – Благодарностями сыт не будешь – с тебя пять оболов,
(Телемах) – Вот, держи десять, ты честно их заработал,
(Оборванец) – Благодарю тебя за твою щедрость. Пусть лучезарный Аполлон хранит тебя на твоём пути. Прощай, Гомер
(Телемах) – Прощай, Аполлодор.

Сцена III

(Сцена представляет собой картину Семирадского «Танец среди мечей»: за столом возлежат Гераклит – царь Эфеса, и его гость Ксанф. Перед ними танцует голая танцовщица. Телемах поднимается к ним по лестнице)
(Телемах, глядя на танцовщицу, говорит про себя) – А Навсикая-то была права,
(Гераклит, вставая навстречу Телемаху и делая жест танцовщице удалиться) – Приветствую тебя в Эфесе, благородный царь Телемах! Рад видеть тебя в добром здравии!
(Телемах) – Радуйся, царь Гераклит, благороднейший муж из мужей Ионийских,
(Гераклит) – Были ли боги благосклонны к твоему плаванию?
(Телемах) – О да, был мне послан богами попутный ветер, парусов надуватель,
(Гераклит) – Позволь представить тебе моего ученого гостя Ксанфа. Он только вчера прибыл из Киликии, где состоял писцом при наместнике Ашшурского царя Ассархаддона. Он весьма сведущ в восточной мудрости, читает по лувийски, аккадски и арамейски,
(Ксанф) – Приветствую тебя, благородный царь Итаки! Гераклит рассказывал о тебе много лестного,
(Телемах, протягивая руку Ксанфу) – Рад знакомству - Гомер,
(Гераклит и Ксанф недоуменно переглянулись) (Гераклит) – Что это значит, Телемах? Кто здесь слепой?
(Телемах) – Это мое новое имя, которое мне дал Аполлон. По пути сюда я останавливался в Дельфах и там получил оракул, что должен взять себе это имя и написать поэму о моем отце Одиссее,
(Гераклит) – Вот как? Это интересно. И ты готов к этому?
(Телемах) – Теперь готов вполне. Я напишу поэму о путешествии моего отца домой через всю Ойкумену и назову ее «Одиссеей»,
(Ксанф) – Я слышал, что славный Одиссей участвовал в Троянской войне?

(Телемах) – Да, он сделался великой славой ахеян, когда был разрушен Приамов город,

(Ксанф) – А приходилось ли тебе бывать на развалинах Илиона, Телемах (или Гомер – уж не знаю как мне правильно к тебе обращаться)?

(Телемах) – Нет, не приходилось. Но я надеюсь, что воображение позволит мне воскресить эти события в моей поэме,

(Ксанф) – О, воображение, даруемое богами, это конечно великая сила. Но когда сталкиваешься с реальностью большой войны, любое воображение стыдливо замолкает, поверь моему опыту: я недавно стал свидетелем завоевания ашшурскими войсками огромной крепости на побережье Киликии. О, это было ни с чем не сравнимое зрелище,

(Телемах) – Расскажи нам об этом, уважаемый Ксанф,

(Ксанф) – Изволь! Представьте себе просторную равнину, окруженную устремленными ввысь белоснежными горами. Две наводненных реки, по ущелистым руслам с горных вершин низвергая шумящие грозно потоки, в общей долине сливают свои изобильные воды. Крепость стоит на громадном холме, взметнувшемся ввысь на 700 локтей. Два кольца могучих стен окружали ее. И двое ворот ведут в эту крепость... Ты что, записываешь, Телемах? Зачем?

(Телемах пишет стилосом на восковой табличке) – Твое поэтическое описание может мне пригодиться в моей поэме, если ты не возражаешь, уважаемый Ксанф,

(Ксанф) – Напротив, мне будет очень лестно оставить свой след в твоей поэме. Итак, войска царя Ассархаддона осадили крепость. Осада длилась почти год. Даже для лучшей в мире ашшурской армии взятие такой крепости было трудной задачей. А ведь в этой армии есть невиданные в Элладе машины – тараны, катапульты и подвижные осадные башни...

(Телемах) – Что это такое «осады башни»?

(Ксанф) – Это такие деревянные сооружения, которые увеличивают рост штурмующего до уровня высоты стен, подобно тому, как конь увеличивает рост пешего воина,

(Телемах) – Что-то вроде деревянного коня?

(Ксанф) – Можно и так сказать. Итак, гордые киликийцы мужественно выдерживали осаду, но в начале этого года по воле богов крепость была взята и сожжена дотла.

Победители не знали пощады и вырезали все население крепости. Я видел это своими глазами и не хотел бы этого описывать,

(Телемах) – Благодарю тебя, Ксанф, за твой рассказ. Скажи, приходилось ли тебе читать ашшурские книги?

(Ксанф) – Конечно приходилось. Я одно время работал в царской библиотеке в Ниневии – там собрана вся мудрость Востока,

(Телемах) – И о чем же пишут в этих книгах?

(Ксанф) – В основном это описание деяний великих царей Ашшура, описание деяний богов...

(Телемах) – Ну для этого у нас Гесиод есть. А есть ли среди этих книг поэмы об обычных людях?

(Ксанф) – Да, есть очень древняя поэма о царе города Урука Гильгамеше, который испытал много приключений в поисках славы и бессмертия. Но он так и не смог побороть смерть. Это трагическая поэма,

(Телемах) – Вот! Вот это интересно. Мой хитроумный Одиссей тоже пройдет через множество испытаний, он даже получит и славу и бессмертие, но все-таки откажется от них...

(Гераклит) – Возможно ли смертному отказаться от такого дара богов? Кто в это поверит?

(Телемах) – Возможно, Гераклит! Все определяется ценой – какую цену должен заплатить человек за славу или бессмертие,

(Гераклит) – И какова же эта цена по-твоему?

(Телемах) – Цена – это отказ от человеческой судьбы, от семьи и родины,

(Гераклит) – И ты думаешь, что эту твою мысль примут эллины?

(Телемах) – Представь себе, Гераклит, землю, далекую от моря, где никто не слышал о мореплавании. И вот в этой земле появляется человек, несущий на плече весло.

Местные жители закричат, увидев весло: «Что за лопату несешь на плече, иноземец?»

(Гераклит) – Ты хочешь сказать этим, Телемах, что любая мысль, впервые излагаемая, всегда выглядит странной?

(Телемах) – Именно так, мудрый Гераклит. Но я надеюсь, что со временем эта мысль станет мыслью каждого грека. Более того, я верю, что каждый, кто примет эту мысль, станет греком, независимо от того на каком диалекте он говорит и в каком государстве живет,

(Гераклит) – Так это и есть твое решение той задачи, о которой мы с тобой говорили в прошлом году на олимпиаде – как сделать так, чтобы эллины были единым народом не только во время олимпиады?

(Телемах) – Да, я верю в то, что именно слово способно объединить всех эллинов в единый народ,

(Гераклит) – Но какое слово – ионийское или эолийское? А может быть койнэ? Каждое из греческих племен говорит на своем наречии. Как ты собираешься обратиться к ним всем одновременно?

(Телемах) – Не имеет значения, на каком диалекте я напишу свою поэму. Главное, что это будет слово Одиссея, близкое каждому греку. Каждый эллин узнает себя в Одиссее, и язык Одиссея станет языком Эллады,

(Ксанф) – Ты хочешь сказать, благородный Телемах, что Одиссей твоей поэмы станет как-бы владыкой Эллады?

(Телемах) – Именно так, уважаемый Ксанф. В Греции нет и, я уверен, никогда не будет такого грозного повелителя, как ашшурский царь. Грецию объединит книга, которая поселится в сердце каждого грека, потому что мой Одиссей – не бог и не герой, но человек в своей сути. Его одиссея – это ведь и есть судьба каждого человека – тяжкий путь через соблазны и заблуждения к себе самому,

(Гераклит) – Поистине божественную задачу ты возлагаешь на свои плечи, Телемах. Но мне кажется, что боги будут покровительствовать тебе в этом благородном замысле.

Потому что слово прочнее и долговечнее камня и бронзы. Оно будет жить и тогда, когда от самого великого Ашшура не останется следа, потому что слово хранится в памяти нашего сердца, а страх перед грозными владыками уходит вместе с самими владыками,

(Ксанф) – Как бы то ни было, но пока царь Ассархаддон, а не Одиссей Гомера

владычествует над всей Азией,

(Гераклит) – Все течет, все изменяется, и нам трудно даже вообразить, что река времени может засыпать песком даже великую Ниневию,

(Ксанф) – А книгу? Ведь свиток папируса так недолговечен!

(Гераклит) – Зато долговечна память человека, читающего этот папирус своим детям и внукам. Эту цепь не может одолеть даже Хронос!

(Ксанф) – Может быть ты и прав, мудрейший Гераклит. Поживем – увидим. Что же ты теперь собираешься предпринять, благородный Телемах, - какова твоя дальнейшая одиссея, если можно так выразиться?

(Телемах) О, она повторяет путь моего отца – это возвращение домой к самому себе.

Телемах ушел из дома, чтобы найти Гомера, который и вернется в дом своего отца,

(Гераклит) Поднимем же чаши за Одиссею нашего Гомера!

(Телемах) И за Элладу Одиссеи!

(Гераклит) За Элладу Гомера!

18.4.2014